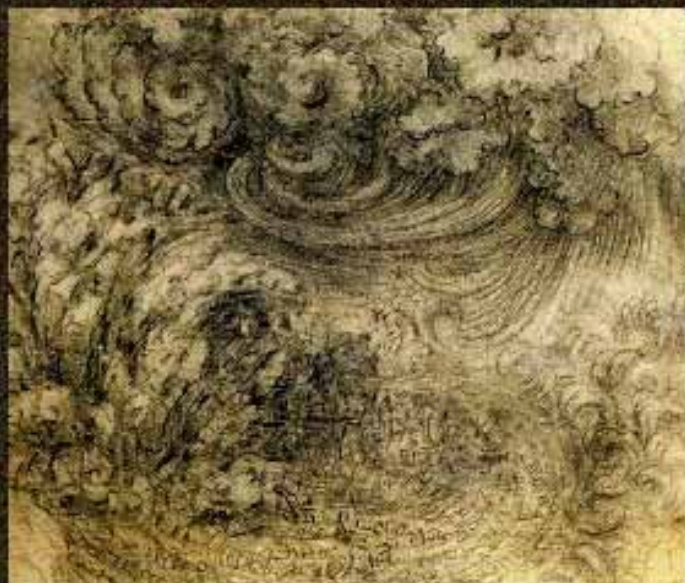

[Polaris]

Николай
НОВИКОВ

ЭФИРНЫЙ
ВИХРЬ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XXXVIII

Salamandra P.V.V.

**Николай
Новиков**

ЭФИРНЫЙ ВИХРЬ

Salamandra P.V.V.

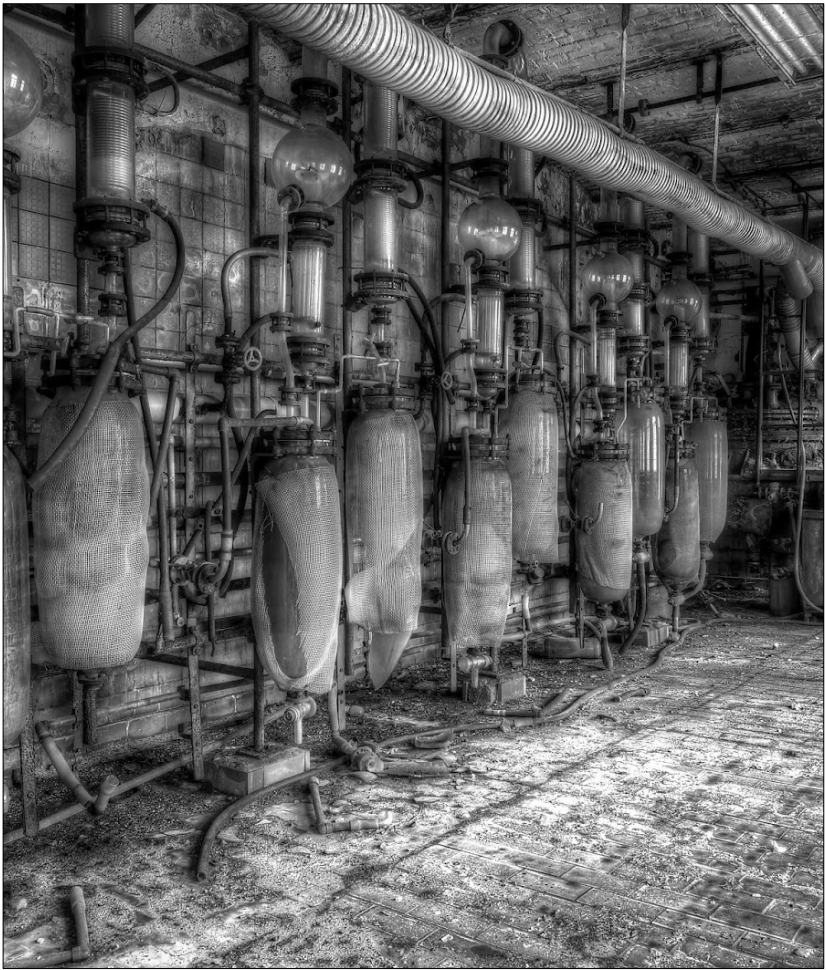
Новиков Н. Ф.

Эфирный вихрь. Подг. текста и биогр. очерк М. Фоменко. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 40 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XXXVIII).

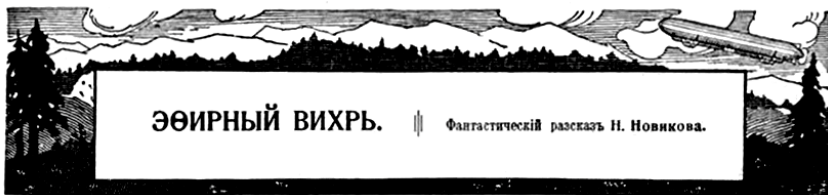
Эта небольшая книга представляет читателю «Эфирный вихрь» Н. Новикова (1884-1916) – «одно из оригинальнейших произведений дореволюционной отечественной фантастики» (И. Халымбаджа). Талант Новикова не успел развернуться в полной мере – в 1916 г. уральский поэт, прозаик и драматург, сражавшийся на фронтах Первой мировой войны во Франции в составе русского экспедиционного корпуса, был убит под Верденом.

© М. Fomenko, подг. текста, биогр. очерк, 2014

© Salamandra P.V.V., оформление, 2014

ЭФИРНЫЙ ВИХРЬ

ЭФИРНЫЙ ВИХРЬ.

Фантастический рассказ Н. Новикова.

Мир есть моя воля.
А. Шопенгауэр

1.

Благодаря неожиданному капризу брата я получил теперь возможность если не рассказать о результатах, то, по крайней мере, описать характер и направление удивительных работ этого странного человека.

Я не разделяю его презрительных взглядов на жизнь и труды нашей «а — системы», как теперь выражается он после своих замечательных открытий. Мне не кажется, что великие мысли, становясь достоянием многих, всегда способствуют лишь торжеству пошлости, сообразно природе и почве, их воспринимающих.

Поэтому я считаю долгом возможно точнее описать, по крайней мере, внешний вид необыкновенных вещей, которые в последний мой приезд в Петербург были показаны мне братом в порыве непривычной для меня общительности. Брат разрешил мне не делать из этого тайны. На него так подействовала эта недавняя история с его криволинейным электромагнитным светом, что он, как мне кажется, стал считать свои откры-

тия недоступными обыкновенному человеческому разуму.

— Пиши что хочешь, — сказал он на другой день, когда я спросил его об этом, прощаясь перед отъездом. — Все равно тебе не поверят, тем более что ты, кажется, уже известен в качестве фантастического романиста. А меня даже мои коллеги считают фокусником, — добавил он с горечью.

2.

Действительно, то, что я тогда увидел в подвале электротехнической лаборатории института, довело даже мою достаточно гибкую фантазию до высшей степени напряжения. За объяснениями Ильи я почти с самого начала перестал следить, так как, по недостатку математического образования, никогда не мог понять его рассуждений из области этой, — как он называет чуть ли не основанную им самим науку, — трансцендентной физики.

Вход со двора в лабораторию очень неудобен.

Приходится пробираться сначала по длинному полутемному коридору в подвал общежития, путаясь среди труб отопления, распространяющих удушливый запах нагретого пара и затхлой сырости.

У входа в подвал нас встретил старик-сторож, который открыл дверь и осветил фонарем несколько спускающихся вниз ступенек.

Он смотрел на нас из-под седых, насуспенных бровей с нескрываемой враждебностью и протянутую братом монету взял как будто нехотя.

— Потащил сатана кого-то в свое пекло, — слышался мне хриплый шепот старика, когда мы сошли с

лестницы. Оглянувшись, я увидел, что он еще стоит в голубом квадрате открытых дверей и не то с нерешительностью, не то со страхом смотрит на монету, держа ее двумя пальцами. Почувствовав мой взгляд, он сразу выпрямился, отшвырнул монету и выскочил за дверь.

Голубой квадрат закрылся, и мы остались в темноте.

Пока мы двигались по длинному скудно освещенному редкими электрическими лампочками подвальному коридору мимо труб отопления института и целой сети толстых проводов, подвешенных к серому потолку и влажным стенам (точно мертвые змеи, — мелькнуло тогда у меня сравнение, после которого сразу стало как-то жутко на душе), — пока мы шли так, переступая на поворотах через трубы, брат мне что-то говорил по поводу гипотезы Фицджеральда, будто бы оправдавшейся последними работами брата.

— Как ты думаешь, — спросил он меня вдруг, — может этот фонарь, — он указал на карманный электрический фонарик, — менять свою величину по мере перемещения в пространстве?

Удивленный неожиданностью вопроса (так как я плохо следил за предыдущим развитием мысли брата), я помолчал немного, а затем начал было:

— Гм... как тебе сказать... если температура...

— Нет, ты не понимаешь, — рассердился брат. — Пойми, независимо от всякой температуры, в функции только скорости абсолютного перемещения.

— Ну вот, как же это может быть? — ответил я.

Не знаю, вероятно, я в присутствии брата терял весь свой блеск и все остроумие, которым меня наделяют мои друзья. Все мои замечания и возражения начинали казаться мне самому безнадежно слабыми, когда я

встречал его нетерпеливый, иронический и высокомерный взгляд.

Не окончив реплики, я замолчал, рассеянно следя, как брат освещал фонариком дверь, к которой мы подошли, и разыскивал отверстие замка.

— А между тем это уже давно известно, — заметил он. — Об этом много писали... Если бы ты поменьше увлекался поэзией и рыбной ловлей... Он не кончил и открыл дверь.

3.

Я несколько раз бывал вместе с братом в электродинамической лаборатории института и каждый раз испытывал неодолимое отвращение, когда приходилось спускаться в нижние этажи ее. Насколько наверху, среди мраморных распределительных досок и блестяще отполированных медных частей различных приборов, сверкающих под стеклянными колпаками, все дышало опрятностью, чистотой и холодной строгостью, настолько внизу, в помещении двигателей и генераторов, было грязно, запутанно и тесно.

Не довольствуясь силой машин института и энергией городской сети, брат поставил в подвале несколько нефтяных двигателей. Вероятно, запасы нефти находились где-нибудь близко, так как невыносимый запах ее сливался с влажной духотой подвала.

Прибавьте к этому еще шум от паровых турбо-динамо, жужжанье тепловых двигателей, фыркание передаточных ремней и мое воспоминание об испуганном лице старика. Замечание о поэзии и рыбной ловле прозвучало здесь так странно, что я невольно улыбнулся возникшему в воображении контрасту.

— Поменьше увлекаться поэзией, — сказал я, с презрением оглядываясь кругом. — А побольше нефтью, углем, силами и разными там скоростями... Что же, много я бы выиграл от этого? Отказаться, как ты, от радостей зелени, от милого синего неба, от сияющих и пышных облаков, от запаха сена, от задумчивых всплесков маленьких волн, катящихся с веселым звоном по золотистым пескам отлогого берега. Поменьше бы этого, а побольше чего? Интегралов? Тумана? Сырости? Ты осуждаешь мою рыбную ловлю. А представляешь ли ты себе эту тихую торжественность раннего молочно-розового утра, когда матовая поверхность озера кое-где блестит яркими серебряными морщинками. А синие дали... А шелест камышей... А спокойная ясность великих образов и благородных замыслов, посещающих только ясную душу, и только под чистым небом... А наслаждение воссоздания на бумаге и в слове оттенков и контуров виденного, и при свете лампы и звезд, когда из сада слышны песни птиц, — мудрые поиски красок и осторожный выбор эпитетов... А здесь, в этой смрадной темноте, что можно здесь создать, что можно дать, что взять? Здесь теряешься, здесь становишься маленьким и ничтожным — каким там царем природы, — рабом нефтяных колодцев.

— Ну нет, — ответил брат. — Если уменьшить свои размеры, в простом, геометрическом смысле, можно и здесь, даже здесь в особенности, найти широкий простор для духа... и для многого другого. Не трогай руками, здесь смазано салом. Идем сюда, в эту дверь. Тут будет больше места. Даже самая маленькая комната может оказаться бесконечно большой. Например, если каждый шаг по направлению к середине ее будет в два раза меньше предыдущего.

— Ну, в этом я вижу мало величественного, — сказал я, становясь рядом с братом перед небольшой дверью, которой я раньше не замечал.

— Ты еще этого не рассматривал близко, — ответил он, поворачивая ключ.

4.

После шума и света машинного отделения жуткая тишина и полный мрак нового помещения поразили меня. Брат вошел туда первый и повернул выключатель. Комната ярко осветилась. Когда я переступил порог, он тщательно закрыл за мною дверь. Оглядевшись кругом, я не увидел ничего замечательного. Даже больше: в этом небольшом кубическом помещении не было вообще ничего, кроме голых каменных стен да нескольких электрических лампочек, отражавшихся на их влажной и серой поверхности.

— Ну, что же? — спросил я.

— Подожди, — сказал брат и, вглядываясь внимательно в меня, добавил:

— Я хочу, чтобы ты сам заметил. Интересно, как это подействует на твои нервы.

Я снова стал рассматривать голые стены, по которым медленно стекали капли воды, точно слезы дождя по стеклам окон. За стеною все слышнее становились звуки, будто кто-то торопился, неустанно и вечно стремясь куда-то. Казалось, какие-то звери, очень большие и усталые, тяжело дышали, будто долго и издалека бежали и теперь расположились на отдых. Но в комнате все-таки было пусто. Я решил, что брат просто хочет проделать психологический опыт, окружив меня непривычной обстановкой. Я улыбнулся

своей догадке, но, встретив удивленный взгляд брата, решил пойти навстречу его желанию и заняться анализом собственного настроения... Положительно меня гипнотизировал этот человек, к которому я всегда питал столь безграничное уважение. Его серьезность, оттененная монастырским однообразием пустой комнаты, начала передаваться мне. Действительно, как эти границы сосредоточивают. С запасом солнца и неба в душе, уединившись здесь на месяцы и годы, сколько можно создать удивительного. Эти каменные оковы для тела, они как будто вовсе не стесняют духа. Не оковами, а крыльями, каменными крыльями могут служить они ему. Я снова взглянул на брата, знаменитого отшельника этих гранитных и электрических пустынь. Его высокая фигура, бледное лицо и темные, серьезные глаза выражали нетерпеливое ожидание.

— Ничего не видишь. Здесь целый мир перед тобой. Неужели все и всегда так равнодушно проходят мимо бесконечности, едва не касаясь ее? Посмотри сюда, в середину.

На самом деле, я как-то не обращал раньше внимания на странное распределение света внутри этой тесной комнаты. Хотя на каждой стене было по два канделябра с лампочками накаливания и стены были ярко ими освещены, к середине комнаты свет терялся, как будто поглощенный сильным туманом, и переходил в центре в непроницаемый мрак. Меня сначала удивила не эта темнота, а то, что я ее не замечал раньше. Потом часть причины стала мне ясна: смотреть туда, в середину, было физически трудно. И еще, что было особенно странно: взгляд бессознательно отклонялся от этого направления, точно отталкиваемый невидимым магнитом. Когда я, наконец, приучил свое зрение к этому напряжению, стало еще труднее дать себе отчет в том, что собственно я вижу. Помню, что

тогда еще у меня хватило смелости со смехом заметить брату, что другие, вот, изобрели вещь полезную — электрический свет, тогда как он, очевидно, трудится над изобретением электрического мрака. Брат ответил на это странной фразой, что у Бога тоже не хватило света, и ночью небо представляется такой же темной бездной. Это слово тогда как бы осенило меня. Услышав его, я, не сводя глаз с середины комнаты, инстинктивно отступил к самой стене. Страх, который подкрадывался ко мне еще от коридора, но с которым я боролся долго путем шуток, иногда неумных, над окружающей таинственностью, наконец владел мною. Я теперь увидел ясно и отчетливо то, что раньше только смутно ощущал, не позволяя себе на этом останавливаться. В тесном темном пространстве каменной кельи висело в воздухе в середине комнаты то, к чему ближе всего подходит слово бездна. Что-то беспредельное и огромное таилось в этом сгустке искусственного мрака, висящего с мертвой и почти материальной неподвижностью.

Скоро мне стала отчасти понятна и причина ощущения неудобства в глазах, вызывавшегося, по-видимому, непривычностью условий аккомодации хрусталика по бесконечно удаленному фокусу. Это было поистине окно в бесконечность, такое же, как и обыкновенные окна, выходящие на вольный простор, на звезды и на безмерность вечной синевы. Этот комок черноты, зажатый между полом и потолком, тоже как будто выходил куда-то, в какую-то новую, иную необъятность.

Нелепое, но, кажется, единственно верное сравнение приходит теперь мне на ум. Если бы эта дьявольская комната была вывернута наизнанку и поставлена так среди бесконечной пустыни, а я, беспомощный и слабый, цепляясь руками за холодные наружные

стены, терялся испуганным взглядом в ее зияющей безграничности, я испытывал бы почти такое же ощущение.

Только тогда я смотрел бы на эту черную сферу изнутри, здесь же я видел ее извне, снаружи, со стороны выпуклости. И что еще удивительнее, — были моменты, когда различие между «внутри» и «вне» стиралось, исчезало для сознания. Оставалось только смутное ощущение затрудненности в глазах, какую всегда испытываешь, когда, разглядывая на экране, стене, фоне — то, что казалось пятном в той же плоскости, вдруг замечаешь, что это пятно представляет собой отверстие, в которое неожиданно проваливается взгляд. Но здесь отверстие было не в плоскости, а в пространстве, и имело форму шара.

Стараясь осмыслить показанный братом феномен, я пробовал внушить себе здравую, как мне казалось, мысль, что ему просто удалось сгустить в одном пункте какие-нибудь черные лучи, которые и давали иллюзию такой таинственности.

Гипнотизеры, пользуясь светящимся шариком, достигают изумительных результатов. Но свет во мраке — все-таки вещь привычная, обыденная, почти ежедневная, здесь же — мрак среди света, нечто обратное повседневному опыту. Действие такого эффекта может вызвать смещение даже таких представлений, как внутренняя и внешняя выпуклость и вогнутость, и я не знаю еще что.

Но эти соображения, как действительно простые и ясные, там, лицом к лицу с тем темным клубком, казались бессмысленными. Иллюзия уходящей в бесконечность дали становилась все совершеннее и загадочнее.

Это был точно чей-то огромный черный глаз, с глубоким и строгим взглядом, оторваться от которого ста-

новилося труднее, чем дольше я находился под его необъяснимой властью. Чувство беспомощности и страха охватило меня. Я прижался к холодной и липкой стене и, вздрогнув от этого прикосновения, не переставал дрожать в приступе лихорадки.

Только тогда брат пришел на помощь. Он предложил каких-то пилюль, нарочно взятых для меня.

— Я предвидел это, — сказал он. — Я уже испытал такое состояние при первых путешествиях сюда. Я нашел это средство случайно. Странное соединение брома, — прибавил он с улыбкой.

Я думаю, что кроме бромистых пилюль, эта милая детская улыбка брата, совершенно преображавшая обычно суровое и холодное лицо его, также немало содействовала возвращению моих сил и душевной ясности.

— Ради Бога, что это за чертовская штука? — спросил я, морщась от горечи.

— Видишь ли... Если ты понял мои объяснения... тебе сейчас же все будет ясно. Это — эфирный вихрь, самое замечательное из моих открытий или, если хочешь, творений. В чем тут дело, я расскажу подробнее, когда мы вернемся. А теперь не хочешь ли совершить прогулку в мою новую мастерскую? Ты увидишь, как я раздвинул ее помещение.

5.

Сначала он пошел вперед, чтобы показать мне дорогу или, вернее, чтобы убедить меня в существовании дороги по направлению к середине комнаты. Я уже начал привыкать к странностям и почти без удивления следил за тем, как он, оставаясь все в той же тесной

келье, уходил все дальше и дальше, как будто бы я смотрел на него с широкого конца в бинокль, оптическая сила которого постепенно возрастала. Лучшего сравнения я не могу найти.

Почти скрывшись из вида, так как дальше становилось все темнее, брат поднял с земли какой-то предмет и через несколько минут вернулся с револьвером в руке.

— Это нам пригодится в дороге: там довольно опасно.

— Ну, так значит, идем, — сказал он и снова пошел вперед, оглянувшись на меня с выражением повелительного приглашения. Я повиновался.

6.

В голове у меня немного шумело, не знаю — от пережитых ли впечатлений, или от принятых пилюль, или от действия полузаглушенного, уже удалявшегося гула неустанных подземных машин лаборатории. Тем не менее, я заметил, что через несколько шагов плитный каменный пол перешел в девственную почву. Нам пришлось перешагнуть даже что-то вроде канавы или трещины. Насколько глубока была трещина, я забыл посмотреть. Но помню, что за нею в воздухе стало быстро темнеть и дышать становилось постепенно все легче. Фонарик в руке брата светил все ярче и уже бросал вперед длинный конус света. Теперь я с трудом могу восстановить в памяти всю постепенность переходов в окружающей обстановке. Я могу отчетливо представить себе лишь отдельные моменты, когда внимание мое вдруг поражалось какой-нибудь резкой переменной.

После трещины я, помню, вскоре заметил, что мы идем по узкой тропинке, усыпанной песком и окаймленной странными растениями с причудливыми белыми цветами. Кроме странности форм этих цветов, меня удивляло, что их вид напоминает мне что-то знакомое и полузабытое. Я обратился к брату. Это был первый вопрос в новом мире. До этого момента мы оба шли молча. Брат — впереди с фонариком, я за ним, шагах в двух, осторожно пробираясь в темноте по узкой дорожке.

Я как будто и теперь вижу перед глазами его высокую фигуру в рабочей куртке, с фонарем в руке, среди черного поля, усеянного рядами белых цветов и трав, в желтоватой тьме окружавшего нас тумана.

— Что за цветы? Я и сам не знаю, почему они здесь такие. Можно строить только догадки. Но что эти цветы изображают, — это ясно. Математические знаки и символы. Вот это — он нагнулся к раскинувшемуся прихотливо кустику — разрывной множитель Дирихле. Этот — тройной интеграл.

Вот оно что. Теперь мне стало понятно. Действительно, мы стояли как бы на гигантской школьной доске между двумя живыми строками растительных математических формул.

— Ты посмотри, какая прелесть, какая нежность, — восхищался брат, указывая на качающуюся головку бледного цветка с одним лепестком, расположенным в виде буквы «е» и с тонким, почти неуловимым запахом. Этот цветок и мне понравился больше других, потому что в сгибе его единственного листика было больше свободы и естественности. Я попробовал сорвать его, но стебель оказался слишком крепким, и я вытащил его с корнем.

Взглянув на луковицу, напоминавшую тюльпановую и не представлявшую ничего особенного, я, кажется, положил ее в карман.

Я не скрыл от брата своего разочарования и недоумения, пробужденных этим ландшафтом, похожим на классную доску. (Других цветов, кроме белого, я не заметил.)

В ответ на это брат стал толковать что-то о морфологии земных растений, представляющих также много поразительных совпадений с геометрическими формами и алгебраическими соотношениями. По его словам выходило, что чуть ли не от цветов люди научились всем элементам своих математических построений. Он напомнил мне о «*Sectio divina*»^{*} древних, столь прекрасным способом намечавшей отделения сучьев на деревьях от ствола, о необыкновенной симметрии каких-то цветов, латинское название которых я позабыл, о геометрической прямизне ствола сосен и елей, о шипах роз, представляющих брусья разного сопротивления. Он говорил еще много на эту тему.

Но в этой смеси ботаники с геометрией я ничего не понял. Я мог только заметить непоследовательность, когда он стал приводить мне примеры из животного мира.

— Неужели и животные здесь, если они есть, тоже похожи на геометрические тела или на томы математических сочинений?

— Собственно говоря, я сам недостаточно изучил эту вселенную, я недавно начал с нею знакомиться, — серьезно заметил брат. — Здесь есть автоматически движущиеся системы; но насколько их можно причислить к органическому миру, и одарены ли они соз-

---

^{*} «Божественное сечение» (лат.), т.е. золотое сечение (*Здесь и далее прим. ред.*).

нением, — я еще не могу сказать. Мы скоро подойдем к нефтяному озеру, и ты сам увидишь их. Наши земные лампочки скоро совсем скроются, — прибавил он, оглядываясь.

Я тоже машинально оглянулся назад. Тропинка, по которой мы шли, терялась в желтоватой мгле через несколько шагов. Белые значки математических цветов видны были несколько дальше, но за последними из них вставала непроницаемая завеса желтовато-черного тумана. На этом фоне я смутно различал две гигантские красновато-золотые полосы, огненным рисунком раскинувшиеся по небу и слабо светившиеся сквозь туман. Уже привыкнув ничему не удивляться, я без труда согласился, что это были накалинные угольные нити лампочек, горевших в оставленной нами каменной комнате, почему-то теперь принявшие такие грандиозные размеры. Стекланных колпачков их уже нельзя было различить, так что, вероятно, мы зашли очень далеко. Впрочем, это могло быть и действием тумана, желтоватый цвет которого объясняется, вероятно, тем, что он был пронизан светом этих лампочек. В этих двух огненных пучках, поднятых над нами старым, обыкновенным миром и уже полустертых туманом нового царства, было какое-то грустное величие. Мне вдруг страстно захотелось вернуться назад, показалось, что если мы пойдем дальше, то уже навсегда заблудимся в страшной туманной пещере.

Но брат опять успокоил меня. Он уверял, что хорошо знал дорогу и расставил еще раньше знаки, указывающие обратный путь. Кроме того, дальше будет гораздо светлее.

Его решительный тон подействовал на меня, и мы снова двинулись вперед.

Я помню, что прежде, чем мы вышли из цветочного поля, еще одно обстоятельство привлекло мое внима-

ние. Я заметил, что над цветами, перелетая с одного на другой, вьется какое-то насекомое. Оно несколько не боялось нас и вскоре позволило себя рассмотреть вблизи. По форме своей насекомое напоминало стрекозу средней величины, с четырьмя серебристыми крыльшками. Сходство со стрекозой нарушалось тем, что при полете животное не шевелило крыльями, а быстро двигало двумя усиками. Было ли это движение вращательным или колебательным, нам не удалось рассмотреть. Во всяком случае, животное так похоже было на современный аэроплан, что я думал было найти на нем маленького пассажира, но более внимательное рассмотрение убедило меня, что это не механизм, а насекомое. Покачавшись немного на цветке, поразительно напоминавшем начертание букв «d» и «y» и коснувшись лапками (их было, кажется, четыре) кустика, похожего на какое-то еще другое алгебраическое выражение, — помнится, корень из чего-то, — насекомое зажужжало снова, задергало усиками и спустилось на другое растение, шагах в трех от первого.

— Поразительная вещь, — прошептал брат, с напряженным вниманием следивший за полетом. — Эта стрекоза перебрала, следовательно, все члены уравнения Риккати... Интересно, куда она теперь сядет?

Но насекомое, по-видимому, наконец испугалось луча от фонарика, направленного на нее, и, взлетев снова, быстро скрылось из вида, блеснув в конусе электрического света серебристой поверхностью недвижных крыльев.

— Неужели в этом мире насекомые интегрируют уравнения, порхая так по цветам? Если стрекозы здесь так образованы, то каковы же люди?

Брат ничего не отвечал. Кажется, его начинала раздражать моя неуместная ирония. Выйдя из задумчи-

вости, вызванной странным насекомым, он быстро пошел вперед, бросив мне короткое – «дальше».

По мере того, как мы подвигались в глубь новой страны, становилось заметно светлее. Желтоватый оттенок тумана, окутывавшего нас, перешел в молочно-серебристый, воздух сделался значительно прозрачнее. Брат погасил фонарь.

По-прежнему не видно было неба. Безбрежное пространство над нами было закрыто непроницаемой и бесформенной белой мглой, напоминавшей снеговую тучу.

Оглянувшись назад, я не нашел больше золотых пятен от гигантских лампочек.

Кругом расстиралось унылое поле с ровной поверхностью, изрезанной множеством параллельных борозд, как будто проведенных гигантским плугом.

Мы шли, осторожно переступая через них, сохраняя глубокое молчание.

С самого начала наше путешествие совершалось среди полной тишины. Звуки, доносившиеся извне, из машинного отделения, скоро утасли, и первым голосом нового мира было жужжание той белой стрекозы. Когда она улетела, тишина снова окружила нас. Я совсем не помню ветра в этой стране; кажется, его вовсе не было. Это безмолвие среди отступивших вдаль седых туманов, среди мягкого, тихо волнующегося матового света и пустынной и строгой, аскетической природы настраивало душу на торжественный и тихий лад.

Вспоминались высокие залы опустевших старинных дворцов, белые колонны оставленных храмов, слышалось веяние умолкших молитв и казалось, будто последняя нота давно пропетой песни, тихий отзвук священного аккорда, чуть слышно звенела вдалеке, затерявшись здесь навеки.

И становилось все светлее и светлее.

Нефтяное озеро как-то сразу обозначилось в нескольких шагах от нас. Тот же налет серебра покрывал и его безмятежную зеркальную поверхность, края которой терялись в белизне быстро удалявшихся туманов.

В первый момент я находился в каком-то оцепенении, полуусыпленный и замороженный разворачивающейся поэмой тишины и мягкого блеска. Помню, что в этом забытьи я не уловил момента, когда над нами засияла ослепительная лазурь, целое море могучей бездонной синевы, пронизавшее своими голубыми лучами и глубину спящего озера, заблестевшего, как драгоценный камень в серебряной оправе. Помню еще, что я всецело был поглощен созерцанием светящегося облака с расплывающимися очертаниями, быстро приближавшегося к нам по воздуху. Как-то вдруг я с удивлением заметил, что оно плывет не по молочно-белому, а по голубому и уже прозрачному фону, и что весь свет и сияние и блеск исходят только от него. До слуха моего дошел сначала тихий шелест, а потом широкий гул, похожий на шум растревоженных вершин большого леса или на свист взмахов множества крыльев птичьей стаи. Облако становилось все больше, оно заняло полнеба, и все вокруг сделалось настолько ярким, что пришлось зажмурить глаза. Опьяненный светом и шумом, я пошатнулся. Брат подхватил меня и посадил на песок.

— Не открывай глаз, закрой их рукой, — сказал он.

— Она еще никогда не пролетала так близко. Подожди, я скажу, когда она удалится, а пока лежи смирно.

— Кто она?

— Светящаяся птица. Если ее можно так назвать, — я тоже не знаю еще, что это такое. Но, очевидно, это

она освещает всю окрестность.. Удивительно сильная флуоресценция. Я тоже здесь лежу рядом с тобою на песке с закрытыми глазами. По ощущению на коже лица мы узнаем, когда свет ослабевает.

Когда шум замолк, мы открыли глаза и встали. Светлое пятно в белом тумане медленно двигалось вдаль. Цепи туманных гор опять теснее окружали долину нефтяного озера. Прежним мягким блеском пронизана была его стеклянная поверхность, на которой местами уже заметны были мелкие складки волн. Ветра не было. Может быть, от этого, а также вследствие приобретенной нами привычки, запах нефти почти не ощущался.

— Интересно, откуда эти борозды? — сказал я, рассматривая ряды продольных углублений, бороздивших отлогие части берега, усеянного скалами и камнями разных оттенков светло-серого цвета.

Брат сидел на камне и следил за светлой птицей в глубокой задумчивости. Должно быть, он не слышал моих слов. Но вскоре я и сам понял происхождение борозд. Одна из скал средней величины стала на моих глазах приподниматься, меняя свою форму. В четырех концах ее наметились выступы, ранее почти сливавшиеся с главной массой. Постепенно раздуваясь, эти выступы приняли вид круглых дисков, около полусаженных* в диаметре. Казалось, будто в них накачивался воздух: я даже слышал что-то вроде шипенья. Наконец, вся грузная масса приподнялась сначала на одну пару дисков, потом — на другую, и оказалась посаженной как бы на два мощных колесных ската. Форма ее напоминала цилиндр с закругленными концами, на одном из которых можно было различить два круглых отверстия, закрытых прозрачной стекловидной обо-

---

* Около 1,05 м.

лочкой, а немного пониже их вытянулся мягкий и гибкий отросток в виде хобота.

С шипеньем и стуком чудовище двинулось к озеру, вращая колесами и оставляя на песке борозды вроде тех, которые во множестве виднелись на прибрежном песке. Вероятно, это животное выделяло при движении пары нефти, так как запах ее снова стал заметнее.

Погрузив передние колеса в озеро и опустив туда же свой хобот, чудовище замолкло, и некоторое время слышно было только бульканье нефти, по-видимому, перелившейся в его желудок.

— Вот еще одна из этих систем, о которых я тебе говорил, — сказал брат. — Она двигается и пятится автоматически, и почти очевидно, что ее действиями руководит сознание. Но откуда, — извне или изнутри, — еще неизвестно. Очень похоже на механизм... Посмотри, как она поворачивается: изгибает весь корпус около вертикальной оси, не так, как экипажи, в которых вращается около вертикальной оси только одна пара колес.

Действительно, напившись нефти, чудовище, уродливо изогнувшись, выползло на берег передним своим скатом и погрузило в нефть задний скат.

— Уж не для смазки ли задних своих колес? — догадался я.

В это время животное повернуло к нам свою морду с немигающими и слабо светящимися круглыми глазами и висящим книзу хоботом. Вероятно, потому, что я не мог разглядеть рта, впечатление от этого неподвижного взгляда было ужасно. Чувствовалось, что это — бездушное создание, но и не животное. Ощущалось что-то, каким-то непонятным образом прикосновенное к жизни и сознанию, через прошлое ли, как мертвецы, или как-нибудь иначе. Скорее иначе, так как

эта тварь была, очевидно, живая, но особенной, противоестественной жизнью.

В этот момент мне сразу стало ясно, что весь этот мир, не только одно чудовище, но все: и желтый туман, и математические цветы, и стрекозы, и птицы, и озеро, наполненное не чистой Божьей водой, а отвратительной нефтью, все, что я здесь видел и что пришлось бы увидеть, — все проникнуто каким-то мерзким, непонятным для меня бесстыдством, каким-то чудовищным богохульством.

Я перестал владеть собою.

— Не подходи к этой гнусности, — закричал я в ужасе. — Что? Все равно, хотя бы оно было смиреннее коровы, я боюсь его. Посмотри, какой противный, светящийся и бессмысленный взгляд. Он впивается в душу, он прилипает к ней, как грязь к телу, он жжет меня насквозь. Идем скорее отсюда, бежим бегом, без оглядки. Я убежал бы один, если ты хочешь здесь оставаться, но я не знаю дороги.

Я готов был разрыдаться, как покинутый ребенок. Капли, данные мне братом, должно быть, перестали уже действовать. Несмотря на попытки брата успокоить меня и вернуть мне бодрость, я настойчиво требовал немедленного возвращения. Брат, наконец, согласился.

Дальнейшее пребывание наше в этом странном мире и обратный путь представляются мне теперь сквозь густую завесу моего раздражения и ужаса. Сколько-нибудь отчетливых картин я не могу восстановить в памяти. Пытаясь разобраться в своих полукошмарных впечатлениях, относящихся к этим моментам, я теперь думаю, что кое-что из них навеяно просто бредом. Проверить же свои воспоминания разговором с братом я в этой части не успел.

Некоторые резкие контуры только могу я с трудом выделить из этого мрака. Помню, как наше возвращение было задержано тем, что все холмы, все пригорки и скалы в отдалении стали шевелиться, разбухать, изменять свои формы, и в виде бесчисленного стада чудовищ с ревом устремились к озеру. Потом из глубины озера стали показываться ужасные пресмыкающиеся. Помню какую-то страшную битву в черных волнах, грохот взрывов или выстрелов. Кажется, и брат стрелял из своего револьвера. Потом вспоминается бешеная езда на спине какого-то полужверя, полумашины, чья-то погоня за нами. Отчетливо в памяти моей иногда встает вертящееся колесо, на котором приподнимаются с боков лезвия ножей, врезающихся в чье-то живое и трепещущее мясо. Но когда именно и где вид его поразил мое зрение, — я точно не знаю. Думаю, что это — деталь из битвы чудовищ.

8.

В лаборатории нашлись те же чудесные капли, прием которых вновь освежил меня. Но проходя мимо нефтяных двигателей, я вздрогнул и схватил руку брата. Он ничего не сказал и только ускорил шаги. Длинный коридор мы прошли молча.

Резкий, холодный и влажный ветер охватил нас на воздухе, во дворе института. Почти инстинктивно, как входя в церковь, ищешь глазами иконы, я взглянул на небо. Хоть бы одна петербургская бледная и тихая звездочка улыбнулась бы с неба. Черная глубина придвинулась к земле и тяжело нависла на крышах химической лаборатории, физического института и на ды-

мовой трубе котельного здания. Казалось, что не будь этих опор, она рухнула бы на землю.

Но это все-таки было неизмеримо лучше того, от чего я только что избавился, и почти весело я вскрикнул: «Господи, до чего здесь мерзко, и вверху, и внизу, и под землею». Брат рассмеялся тоже. Как-то сразу после этого мы оба почувствовали себя свободнее, тяжелое молчание сразу оборвалось и, оживленно и возбужденно разговаривая, поднялись на второй этаж, в уютную квартиру брата.

В его кабинете, потонув в глубоком кресле, обвеянный тихим светом, ласково льющимся из-под зеленого конуса рабочей лампы, я окончательно успокоился. Вид множества книг в кожаных переплетах, уставленных покосившимися рядами в шкафу и на отдельных полках, передал мне свою молчаливую серьезность. На черной доске, стоявшей у стены, виднелись полустертые знаки из непонятного высшего анализа. Когда я вглядывался в нее, мне казалось, что на ее черном поле расцветают, качая лепестками, новые таинственные символы.

Вокруг нас царила напряженная и внимательная тишина. В комнате не было ни картин, ни цветов. Строгий холод храма дышал от ее высоких стен. И второй раз за этот вечер мне послышался отзвук умирающего гимна уходящему богу.

9.

— Я тебе несколько раз пробовал говорить об эфирном вихре, но ты все как-то не хотел меня слушать, — начал брат. — Теперь ты, кажется, поймешь меня. Мы не знаем абсолютных размеров вещей. Мы можем толь-

ко сравнивать их с другими. Если длина стола три аршина*, значит, аршин, в виде деревянного или там другого какого-нибудь бруска, уложится три раза по длине стола. Если и стол, и аршин уменьшится вдвое, то все-таки отношение их не нарушится. Длина стола в аршинах будет выражаться, как и прежде, числом три.

— Ну, это ясно, — сказал я, отодвигая чашку. — Но только тогда стол будет занимать меньше места в комнате, и за него неудобно будет сесть.

На строгом лице брата засветилась улыбка.

— Ну, а если и комната, и мы сами, и все вещи, и все эталоны меры, и все расстояния между предметами уменьшились бы вдвое или втрое?..

— Ну, тогда, конечно, никто бы ничего не заметил, — сказал я.

— Даже если бы уменьшение или увеличение было бы в миллион раз, — прибавил брат.

Я хотел что-то возразить, но не помню, что именно.

— Теперь дальше. Если бы на земле, например, все предметы, все длины и все расстояния при повороте из положения, параллельного плоскости экватора, уменьшались в несколько раз и при обратном повороте принимали прежнюю величину, никто не замечал бы таких перемен. Если бы измерять длину материальных предметов можно было только длиной материальных же тел...

— Как? — переспросил я.

— Если бы длина измерялась только материальными телами. Платиновым метром, четвертью меридиана и тому подобным!.. Потому что и метр, и меридиан, все материальные тела и их отдельные измерения уча-

---

* Около 2,13 м.

ствовали бы сами в общей деформации. Но можно измерять длину и иначе.

— Иначе?

— Да. Длиной световой волны в какой-нибудь части спектра. Например, в фиолетовой части длина световой волны около 0,423 микрона. Если мы зададимся вопросом, за сколько времени фиолетовая волна пробежит от одного до другого конца прямой длиной в километр, то, зная скорость света, легко можно это определить. Если скорость света, длина километра и длина волны не меняют своей величины, то это время должно иметь постоянную величину, в каком направлении мы ни укладывали бы этот километр.

— Ну что ж, конечно, получается одна и та же величина, — заметил я.

— В том-то и дело, что не получается. Не получается, — прибавил брат и встал со твоего стула, закрыв собою лампу. На черном фоне доски обозначилась его гигантская тень. — Видишь ли, земля и вся солнечная система плывут в пространстве, наполненном эфиром. Так вот, недавно замечено, что если длина предмета повернута параллельно направлению его перемещения относительно эфира, то время, необходимое для пробега его длины световым лучом, уменьшается.

Эти слова брат должен был повторить несколько раз, пока я не понял.

— И это уменьшение, — продолжал он, — тем значительнее, чем больше скорость передвижения. Фицджеральд объясняет это тем, что длина предмета при этом уменьшается, так как нет основания думать, что изменяется скорость света. Для ничтожной той скорости, с какой движется земля относительно эфира, то есть около 30 километров в секунду, это уменьшение составляет только $\frac{1}{100000}$ всей длины предмета.

Пока опыты производились с такими скоростями, практических результатов исследование дать не могло. Я поставил их шире. До моих работ в эфире не было замечено других движений, кроме дрожаний, электромагнитных и световых. Мне первому удалось вызвать и наблюдать в нем массовые течения.

Тут брат, поощряемый моими вопросами и моим напряженным вниманием, рассказал о своих поразительных опытах с преобразованием волнового движения эфира в прямолинейное и вихревое. Несмотря на то, что я следил за его изложением с лихорадочным интересом, теперь я затрудняюсь восстановить подробности его рассказа. Но у меня сохранилась в памяти указанная братом аналогия, значительно осветившая вопрос.

В проливе Ла-Манш (я этого не знал раньше) существует постоянное морское течение с севера на юг, вызываемое действиями приливов и отливов. Когда приливная волна Немецкого моря, подвигаясь вдоль берегов Ла-Манша, достигает южного конца его, проходит уже 6 часов от начала прилива в Атлантическом океане. В этом пункте начинается отлив, и та вода, которая была принесена приливом из Немецкого моря, уносится отливом в Атлантический океан. Нечто подобное этим условиям создал брат у себя в лаборатории для эфира, комбинируя изобретенные им какие-то электромагнитные вибраторы огромной силы с целой системой станиолевых зеркал разных форм и величин.

— Таким образом, я получил замкнутую эфирную струю, — продолжал брат, — скорость которой всецело находилась в моих руках. Я мог делать ее переменной, в зависимости от емкости конденсаторов, и наблюдать, как влияет на размеры материальных тел не только скорость, но и ускорение их относительно

эфира. Одновременно с этим я исследовал вопрос теоретически.

Брат оживлялся все больше и больше. Никогда не видел я его таким вдохновенным и таким прекрасным. Опершись на камин, высокий, с большими темными глазами, горящими творческой мыслью, он стоял передо мною, преображенный. От его высокого и чистого лба исходило сияние гения.

— И вот я узнал, что тело, погруженное в круговую струю эфира, уменьшает все свои размеры, во всех трех измерениях, — продолжал он. — И это уменьшение тем больше, чем меньше радиус кривизны струн, т. е. чем круче загибается струя, — пояснил он для меня. — Кроме того, уменьшение всех размеров тел растет одновременно с увеличением центростремительного ускорения. Ты неясно представляешь себе, что такое центростремительное ускорение? Писатель, образованный человек, в 20-м веке не знает основных, элементарнейших понятий механики, основы и венца нашего знания... Ну что ж, объяснять тут долго, прими дальнейшее на веру. Я образовал в этой каменной комнате эфирный водоворот вроде Мальстрема. Ты знаешь, что затянутые Мальстромом суда движутся по кругу сначала медленно, потом, приближаясь к центру воронки, несутся все быстрее. Помнишь, как это описано у Эдгара По*. Ну так вот и в моем эфирном вихре угловая скорость струи... Ты опять не понимаешь — число оборотов в секунду — увеличивается по мере приближения к центру вихря.

— Понимаю, — сказал я. — И поэтому...

---

* Мальстрем — водоворот в Норвежском море у северо-западного побережья Норвегии; в фантастическом виде описан у Э. По в рассказе «Низвержение в Мальстрем».

— И поэтому каждый предмет, введенный в область вихря, уменьшается в размерах по мере приближения к середине. И как уменьшается: сначала в сотни, потом в тысячи, потом в миллион раз. Понимаешь ли ты теперь, чувствуешь ли, во что превратилась моя каменная кладовая?

Сделав 6 шагов вдоль стены, ты дойдешь от одного угла до другого. В 24 шага ты обойдешь комнату кругом, сделаешь кругосветное путешествие. Именно кругосветное. Но пройдя 3 шага от стены к середине комнаты, ты будешь еще неизмеримо далек от центра. Твои шаги (и ты сам) уменьшаются, пока ты идешь. Первый шаг длиною в аршин, второй уже только в 0,1 аршина, третий в одну сотую. Если ты сделаешь в этом направлении 100 шагов, тысячу, миллион, то ты удалишься от стены на расстояние, в действительности (не материальной, а эфирной действительности) равное немногим больше одного аршина. Единица, запятая, и миллион единиц после запятой.

— Так вот оно что, — вскричал я с живостью. — Значит, действительная бездна висит там в воздухе этой ужасной кельи. Бесконечность, только как бы это... направленная внутрь, вывернутая наизнанку.

— Если хочешь, да. Но это отличие не так существенно. Ты судишь так потому, что находишься вне этого мира. Когда ты был внутри, то никакой разницы в этом отношении ты не ощущал.

— Да, но я смог выбраться оттуда, слава Богу, сюда, — заметил я.

— Так же, как перед этим выбрался отсюда туда, — спокойно ответил брат. — А потом, кто поручится за то, что, путешествуя по нашей вселенной, когда мы научимся странствовать среди звезд, мы вдруг не окажемся в кабинете какого-нибудь Великого Экспери-

ментатора, создавшего место для нашего мира и все его содержание.

— Позволь, вот об этом содержании я хотел тебя спросить. Откуда же явились эти чудовища и озеро, и вся та природа, и облако, и цветы, в том твоём мире?

— Ниоткуда. Они родились вместе с местом, с бесконечным пространством, которое не могло ждать наполнения. Оно должно было появиться уже наполненным. Этот мир создан из ничего, так же, как и наш мир, если верить Библии. С другой точки зрения это можно объяснить тем, что мир по природе своей должен содержать материю в тех или иных сочетаниях, на той или другой степени организованности. Материя есть вещь очень призрачная. Риманн полагает, например, что атомы материи представляют собою всего лишь пустоты, поры в эфире. По Вихерту, материальные точки являются центрами скручивающих напряжений в эфире; по лорду Кельвину, это — центры вихревых движений... Ну Кельвин, конечно, не прав: ты сам видел, что такое эфирный вихрь... Так или иначе, но легко представить себе, что раз даны миллиарды кубических километров эфира, то одновременно с этим дается и вселенная, наполняющая этот объект.. Это как будто бы даже вытекает из предположения, что существование мира не имело начала...

Как видишь, обе гипотезы — изначальное бытие нашего мира и создание его из ничего, актом творческой воли, не противоречат новому мировоззрению.

Я чувствовал, что вижу перед собою больше, чем человека.

Новому мировоззрению... Да, действительно, как же иначе можно это назвать? Мысли мои, подавленные величием открывшейся передо мною картины, терялись. Бездна вопросов и недоумений, и внезапных ответов на них возникала в душе. Потом снова почув-

ствовал смущение и почти страх. Что это, наконец, такое? Где кончается человек и где начинается...

— Слушай... брат... — сказал я наконец, с трудом подыскивая выражения. — Ты говоришь, акт творческой воли... Ну а этот, новый мир... Когда ты его создавал... ты тоже осуществил волю в его творении... Нет, не так: ты хотел ли, чтобы мир наполнился, чтобы в нем были горы и воды, звери, цветы и все такое...

— Нет, — ответил он задумчиво, — я этого не хотел и совсем не думал об этом. Этот мир родился помимо моего желания. Правда, все эти приготовления, установка машин, зарядка конденсаторов, размещение экранов.... и ожидание исполнения замысла, подтверждения теории, понимаешь, вся эта работа в самом конце довела меня до крайнего возбуждения. Мозг мой горел, как в огне, и казалось, что душа расширилась на целый мир. А это мгновение потрясающего разряда... Это было какое-то особенное, неописуемое наслаждение. Этого нельзя рассказать. Я почти лишился сознания в эту минуту гордости и счастья.

— Да, этот мир создан сам собою, неожиданно для меня, — продолжал брат. — Но я заметил, что он все же является некоторым отражением моей души. Я хорошенько не знаю, отчего это, но это так...

Я вспомнил математические цветы, животных, похожих на машины и аэропланы...

— Да, пожалуй, это — так, — подтвердил я.

Потом в уме моем встала ужасная битва у берегов нефтяного озера, и я не мог удержаться от вопроса:

— Но послушай, а это сражение, весь этот ужас, неужели что-нибудь подобное имело место когда-нибудь в твоей душе, ясной и прозрачной, как глаза ребенка. Ведь я тебя знаю с детства.

— В каждой душе есть темные области, — медленно ответил он. — Потом, там, у озера, это было законное

истребление подводных хищников, лишавших пищи все живое, кроме них. Ужасы были преувеличены твоим напряженным воображением. Но они есть: да, они есть, — прибавил он грустно.

Он стал снова ходить по комнате взад и вперед. Некоторое время мы молчали. В окно стучался дождь. Слабый вой ветра доносился сквозь двойные стекла.

— Ну, а здесь, разве все... — начал было брат, но, криво усмехнувшись, умолк. Опустившись в кресло, он глубоко и тяжело задумался. Я знал, что его нельзя тревожить в такие минуты. Да и сам я был слишком утомлен и подавлен всем пережитым за вечер.

Выйдя из своего оцепенения, я стал прощаться с удивившей меня робостью и почтительностью. Когда брат поднял на меня глаза, мне почудилось, что из-за приветливой и прекрасной улыбки его на меня взглянула та же темная и загадочная бездна, которая осталась в каменной комнате.

10.

С тех пор прошло уже два месяца. Я снова у себя, за тысячу верст от Петербурга. Окна моего кабинета выходят в чудесный сад, покрытый серебром и алмазами девственного снега. Когда я поднимаюсь от работы, я вижу, не вставая с места, эти полосы ослепительного, брызжущего жизнью и радостью света, чередующиеся с нежно-синими пятнами полутеней. С неба и на снег, и ко мне в душу льются потоки пронизанной золотом лазури, такой чистой, такой прозрачной, такой ликующей, что все пережитое тогда кажется странным кошмаром. Уж не безумец ли мой брат, и не поддался ли я его бессознательному внушению под дей-

ствием непривычной обстановки и его горящих глаз и речей... Не бред ли это был?

Я теперь внимательно просматриваю газеты и нарочно выписал себе «Annalen der Physik»*, но нигде ничего не встречал до сих пор об открытиях брата.

Одно только обстоятельство укрепляет мою колеблющуюся веру в реальность этих странных воспоминаний. На столе у меня стоит цветок, нежный и печальный, с вечно поникшей головкой, всегда стыдливо и грустно отворачивающейся от дерзких лучей слишком яркого солнца. Неуловимый, ни с чем не сходный запах его наполняет мою комнату чуть внятным дыханием нездешней и неисцелимой тоски. Он вырос из луковицы, оказавшейся у меня в кармане после нашего фантастического путешествия, должно быть, оторванной от того цветка, похожего на букву «е» и на белую лилию. Но сходство с буквой теперь совсем нарушено. Растение пустило несколько стеблей, и на каждом качаются тонкие шелковистые венчики. Угадать в их прозрачных кружевных лепестках математические знаки можно только с большим напряжением фантазии. Если отвлечься от розовато-белого цвета их и от изящных волнистых очертаний, в общем положении всего куста можно видеть изображение такой формулы:

$$1 + \frac{1}{n}$$

---

* «Анналы физики» (нем.).

Растут еще новые лепестки и, может быть, завершат темный для меня смысл этих знаков. Но, не ожидая их появления, при одном взгляде на большую красоту моей душистой гостьи, я вижу, что она родилась под иным небом и живет иной жизнью, чем здешние цветы.

A handwritten signature in black ink, appearing to read "K. Glavachov". The script is fluid and cursive, with a long, sweeping underline that extends to the left.

НИКОЛАЙ НОВИКОВ

Биографический очерк

Николай Федорович Новиков родился 17 апреля (по другим источникам – 12 января) 1884 г. на Архангело-Пашийском заводе (ныне Пашия) в семье купца, выходца из крестьян. В детстве жил на Бисерском заводе. В 1895 г. окончил народную школу. Затем учился в мужской гимназии в Перми; в гимназии начал писать стихи и приобрел популярность как официальный гимназический «поэт».

В 1903 г. Новиков окончил гимназию и в том же году поступил в Казанский ветеринарный институт. Был исключен со второго курса за участие в студенческих волнениях и выслан по месту жительства; из Перми перебрался в Екатеринбург и сошелся с группой поэтов, публиковавшихся в газете «Уральская жизнь». Его стихотворения 1905-1906 гг. пронизаны революционными настроениями.

Новиков публиковался в газетах «Пермские губернские ведомости», «Урал», «Голос Урала», «Уральский край», в сатирических журналах «Гном» и «Рубин»; выступал с рассказами, стихами и мистическими «фантазиями», затем обратился к драматургии. Публиковался под псевдонимами «Николай Черешнев», «Н. Черешнев», «Ник. Черешнев», «Н. Чернышов». С появлением связей в столичных литературных кругах стал проводить зимы в Петербурге, однако весной неизменно возвращался на любимый Урал.

Представленная Новиковым на IV драматический конкурс им. А. Н. Островского пьеса «Серая пасть» была приобретена для пос-

тановки в Петербурге и Москве (сезон 1909-1910 гг.) Новым драматическим театром. По цензурным соображениям пьесу, рассказывавшую о быте мужской гимназии, автору пришлось переделывать, и она была впервые поставлена лишь в сентябре 1911 г. в Екатеринбурге под названием «Частное дело». Отмечая дарование молодого драматурга, критики отмечали карикатурность персонажей, «черные краски» автора и такие скандальные повороты, как растление ученика классной дамой, интимные отношения с горничной и т.д. Пьеса прошла по многим провинциальным сценам, ставилась в Москве театром Незлобина и в Киеве театром Кручинина.

В общей сложности Новиков написал с десяток пьес, из которых опубликованы были пять: «Частное дело», «Тучка золотая», «Погорельцы», «Новый долг», «Сады зеленые». Некоторые его драматические сочинения отразили глубокое влияние А. П. Чехова.

В 1911 г. в числе 40 лучших рассказов, приобретенных на 2-м всероссийском литературном конкурсе «Биржевых ведомостей» и опубликованных журналом «Огонек», оказались сразу два рассказа Новикова – «Весенняя сказка» (под псевд. Черешнев) и «Эфирный вихрь». Последний рассказ, напечатанный в № 48 журнала за 1911 г., был единственным, но весьма удачным опытом Новикова в жанре собственно научной фантастики (хотя в рассказе заметны и мистические нотки); исследователь и библиограф русской научной фантастики И. Халымбаджа называет его «одним из оригинальнейших произведений дореволюционной отечественной фантастики».

В мае 1912 г. Новиков был призван в армию и отслужил девять месяцев вольноопределяющимся в учебной команде при 194-м пехотном Троицко-Сергиевском полку. В 1913-1914 гг. он опубликовал три пьесы, десять новелл, рассказов и статей и 20 стихотворений. Литературный расцвет оборвала Первая мировая война. Новиков поступил в Павловское военное училище, через четыре месяца был выпущен прапорщиком и осенью 1916 г. в составе русского экспедиционного корпуса был отправлен во Францию, где погиб 6 декабря 1916 г. в боях под Верденом.

«Эфирный вихрь» Н. Новикова печатается по первой публикации в новой орфографии, с исправлением некоторых опечаток и устаревших особенностей пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.